

СТАТЬИ О ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО²

ГЕРОИ РОМАНА «ИДИОТ» И ИХ ПРОТОТИПЫ

1

Науке известны некоторые прототипы героев Достоевского: Аристов, Нечаев, Ильинский. Однако образы романов очень удалены от прототипов, и расстояние между теми и другими намного превосходит, например, дистанцию между Катрановым и Инсаровым или Бахметевым и Рахметовым. Сюжет у Достоевского рождался из столкновения драматического события действительности, зачастую факта уголовной хроники, с философской идеей писателя. В ходе разработки сюжета складывались образы героев. Они никогда не были первоосновой замысла, как у Тургенева или Гончарова.

^{2*} Все цитаты из произведений Достоевского приводятся по Полному собранию сочинений в 30 томах (Л.: Наука, 1972 – 1990). При цитатах указываются арабскими цифрами том и страница.

Л.П. Гроссман в результате известной полемики о прототипе Ставрогина пришел к выводу: «Достоевский стремился в своей портретной живописи не к исторической подлинности, а к выявлению своего художественно-философского замысла, и потому, согласно велениям этого высшего императива, он комбинировал, изменял, усиливал и глубоко преображал все данные бакунинской биографии и психологии»¹. И в другом месте: «В своей творческой работе Достоевский никогда не стеснял себя данными действительности и подлинными признаками прототипа: ему нужна была не определенная конкретная фигура во всех ее особенностях, а лишь ее художественная выразительность»².

Какими путями шла работа Достоевского над прототипами романа «Идиот»? В какие формы она воплотилась? Творческая история романа поддается прочтению благодаря наличию черновых тетрадей к роману и большой работе советских исследователей – В.С. Дороватовской-Любимовой, П.Н. Сакулина, Ф.И. Евнина, Г.М. Фридлендера и др. Пишущему эти строки удалось дополнить их труды несколькими новыми наблюдениями.

Как известно, первая запись к роману сделана 14 сентября 1867 года в Женеве. Центральным героем мыслится человек гордый и страстный, которого не понимают окружающие. «Прослыл Идиотом от матери, ненавидящей его. Кормит семейство, а считается, что ничего не делает. У него падучая и нервные припадки»³. Важный образ Миньоны представляется писателю как свободная вариация реальной фигуры – пятнадцатилетней Ольги Умецкой, героини скандального уголовного процесса 1867 года, которая четырежды пыталась поджечь дом своих родителей, каширских помещиков, чтобы отомстить им за жестокое обращение с детьми.

«Главная мысль романа: Столько силы – столько страсти в современном поколении и ни во что не веруют. Беспредельный идеализм с беспредельным сенсуализмом».

Несколько выше на той же странице: «Весь роман: борьба любви с ненавистью»⁴.

Итак, первый этап творческого процесса – драматизация действительности, художественное преображение текущей истории нравов; второй этап – извлечение «идей времени», построение гипотез, как бы объясняющих первоначальную картину разгула страстей.

18 декабря 1867 года писатель бросил прежние планы и сел за «совершенно новый» роман. Однако основная идейно-художественная концепция романа и даже новый Идиот – кроткий чудак, мечтающий о будущем блаженстве, – явились результатом предшествующей работы.

Фабула, новая по отношению к «Пра-Идиоту», вообще говоря не была новой: Достоевский в какой-то мере использовал схему своей ранней повести «Хозяйка». Светлый Ордынов, демонический Мурин и между ними полубезумная красавица Катерина отразились в схеме: князь Мышкин – Рогожин – Настасья Филипповна. Сходство образов и некоторых сюжетных мотивов «Хозяйки» и «Идиота» отмечено Н.М. Чирковым⁵. Но давнюю схему «Хозяйки» Достоевский наполняет новым идеологическим содержанием. «Борьба любви с ненавистью», христианского гуманизма с беспредельным сенсуализмом конкретизируется в полярном противопоставлении двух образов: человека обостренной духовности и человека всепоглощающей страсти.

Сразу же после отсылки Каткову первых семи глав «Идиота» Достоевский пишет известные письма А.Н. Майкову от 31 декабря 1867 года (12 января 1868-го) и С.А. Ивановой от 1 (13) января 1868 года, в которых определяет цель нового романа – «изобразить вполне прекрасного человека». Свой собственный путь решения этой задачи писатель нащупывает через литературные параллели, в частности с образами Дон-Кихота и Пиквика. Но уже тогда в письме к Ивановой Достоевский заявляет: «На свете есть одно только положительно прекрасное лицо – Христос»⁶.

Следующие девять глав романа, вопреки первоначальному плану, образовали не вторую часть, а завершение первой. Таким образом, первая часть окончательного текста была написана в конце февраля 1868 года. После этого наступил перерыв, и Достоевский вновь стал колебаться, перебирая возможные варианты развития сюжета: женитьба князя Мышкина на Настасье Филипповне, любовь Рогожина к Аглае, брак князя с Аглаей, смерть Настасьи Филипповны в борделе и т. д. Первая часть романа уже опубликована, а у Достоевского еще нет ни развернутого образа героя, ни законченной фабулы. Позднейшее утверждение писателя, что весь роман был задуман ради знаменитой финальной сцены, – явное преувеличение. Весной 1868 года он еще не знал, чем

закончится роман. Первая часть во многом связывала его, но не всецело, и в процессе создания романа писатель наслаждался увлекательной, хотя и трудной игрой, строя фабулу после представления читателю главных героев.

Это не значит, что фабула была для него второстепенной задачей, подчиненной центральному характеру, как например у Тургенева (об этом пишет Генри Джеймс). Достоевский не мыслил героя вне фабулы и сам себе уяснял лицо героя только через действие. Перебирая фабульные варианты, он решал все ту же задачу: как должен выглядеть в современной России положительно прекрасный человек?

Первоначально он стремился к наглядному воплощению в образе князя Мышкина идеи единоличного добра, личного благодеяния. Эта идея сохранилась и в дальнейшем, но сквозь нее как бы проступила вторая, превышающая первую: идея самопожертвования. Достоевский хотел изобразить гуманиста-практика, помогающего людям в повседневной жизни своей любовью, нравственным влиянием и материальными средствами. В первой части герой успевает лишь получить наследство, но в черновиках намечались благодеяния князя. Романист задумал князя Мышкина как «великого филантропа» (реализация мечты Раскольникова).

Позволительно предположить, что Достоевский при этом ориентировался на реальные исторические фигуры русских благотворителей того времени. Как известно, он с восхищением относился к знаменитому доктору Гаазу, но это историческое лицо явно не похоже на главного героя романа «Идиот», если не считать одного: сочувствия к преступнику. Известнейшим филантропом эпохи был писатель-романтик князь В.Ф. Одоевский, последний отпрыск аристократической фамилии, восходящей к Рюрику. Но на Одоевского князь Мышкин тоже не похож ни характером, ни внешним обликом, ни положением в обществе. Изучение мемуарной литературы и эпистолярного наследия эпохи 50 – 60-х годов привело нас к неожиданному выводу: наряду с автобиографическими чертами при создании образа князя Мышкина Достоевский воспользовался рядом деталей внешнего облика, биографии, быта и характера

известного русского мецената и благотворителя графа Григория Александровича Кушелева-Безбородко.

Его отец, унаследовавший огромное состояние екатерининского канцлера Безбородко, основал Нежинскую гимназию высших наук, в которой учились Кукольник и Гоголь и которая была затем преобразована в лицей. Занимал в конце жизни важный пост государственного контролера, умер в 1855 году. Имел двух сыновей и двух дочерей.

Оба сына были бездетными, и род Кушелевых-Безбородко пресекся со смертью старшего из сыновей – Григория Александровича – в 1870 году (младший, Николай Александрович, умер еще раньше). Таким образом, Г.А. Кушелев-Безбородко был последним в роде (1832 – 1870). Он окончил Александровский лицей и в 1850 году начал службу в канцелярии комитета министров. В 1855 году назначен камер-юнкером и в том же году, по смерти отца, попечителем Нежинского лицея. Вступив во владение своей долей наследства, он стал миллионером: 2 тысячи душ крепостных крестьян, 500 тысяч рублей годового дохода накануне реформы 1861 года. Кушелев-Безбородко прославился широкой благотворительностью (богадельни, детские приюты, щедрые пожертвования Нежинскому лицейу) и покровительством искусству. Его собственным оркестром управлял известный композитор и дирижер Л. Минкус, в роскошном палаццо графа на Гагаринской набережной и в загородном доме в Полюстрово регулярно устраивались любительские спектакли и концерты, в которых участвовал хозяин, игравший на цитре. Кушелев-Безбородко и сам сочинял музыку.

Кушелев-Безбородко питал склонность к литературным занятиям. В 1857 году он издал «Очерки и рассказы» под псевдонимом Грицко Григоренко, а годом раньше подал ходатайство о разрешении издавать журнал. Во время путешествия с женой по Европе граф добился согласия Я.П. Полонского и Аполлона Григорьева, находившихся в Италии, редактировать его будущий журнал. Из Парижа он привез спирита Юма и пригласил в гости Александра Дюма-отца. В Полюстрово летом 1858 года состоялась свадьба Юма, женившегося на свояченице графа девице Кроль; шаферами спирита были флигель-адъютанты граф Алексей Бобринский и граф Алексей Толстой (известный русский поэт).

Вскоре в Петербург прибыли Полонский и Григорьев. Под их руководством с января 1859 года начал выходить журнал графа – знаменитое впоследствии «Русское слово».

Считалось, что Кушелев-Безбородко швыряет деньги направо и налево. Весь Петербург говорил, что граф отправил Дюма в кругосветное путешествие за свой счет. На самом деле Дюма занял у него большую сумму, за что позже расквитался новым романом. В том же 1858 году граф осуществил издание стихотворений Аполлона Майкова (очень красиво оформленное) и купил за 4 тысячи все сочинения Александра Островского, которые выпустил в 1859 году роскошным двухтомным изданием. Кушелев-Безбородко издавал также Мея, Полонского, «Памятники старинной русской литературы» (под редакцией Костомарова), альбомы графики, «Шахматный листок» и т. д. Окружив себя музыкантами, поэтами и журналистами, граф задавал им пиры во дворце на Гагаринской, за что в свете этот дворец прозвали «кабаком». С 1860 года в журнале утверждается Благосветлов, и граф Кушелев-Безбородко в течение некоторого времени является издателем и номинально главным редактором революционно-демократического органа.

Бурные события 1862 года, очевидно, испугали Кушелева-Безбородко, и вскоре он отделался от журнала, целиком перешедшего в руки Благосветлова. Граф уходит от общественной жизни. В мае 1867 года он дал великолепный вечер с ужином на 700 человек и концертом в честь «славянского съезда». Многочисленные заграничные поездки Кушелева-Безбородко отразились в его «Очерках, рассказах, путевых заметках» (СПб., 1868).

Это был безвольный аристократ с чертами дегенерации, абсолютно непрактичный и пользовавшийся репутацией чудака. Тургенев в 1856 году писал Дружинину: «Кушелев мне кажется дурачком, – я его все вижу играющим у себя на вечере – на цитре – дуэт с каким-то итальянским голодным холуем...»⁷. Писемский в 1858 году сообщал тому же Дружинину: «...у меня уморительный казус вышел с дураком Кушелевым...»⁸. Благосветлов писал в 1859 году Попову: «Графа я никогда не считал выше глупого мальчишки...»⁹. И Елена Штакеншнейдер записывает 21 июля 1858

года в дневнике: «Что за человек Кушелев? И человек ли или полоумный?»¹⁰. Не хватает лишь слова «идиот».

Ни о ком другом в Петербурге не рассказывали столько анекдотов. Над Кушелевым-Безбородко насмеялись, его передразнивали. Порою это был юмор низкого пошиба, потому что граф был тяжело больной человек: он страдал пляской святого Витта (хореей).

Князь Мышкин, как мы узнаем в 1-й главе романа, «отправлен был за границу по болезни, по какой-то странной нервной болезни, вроде падучей или виттовой пляски, каких-то дрожаний и судорог». В этом странном описании Достоевский соединяет свою эпилепсию с хореей Кушелева-Безбородко.

Сохранился «словесный портрет» Г.А. Кушелева-Безбородко: «Граф был высокий, стройный, холеный человек средних лет с небольшой русой бородкой и добрыми голубыми глазами. Двигался он всегда усталой походкой»¹¹.

В романе «Идиот» читаем: «Обладатель плаща с капюшоном был молодой человек... роста немного повыше среднего, очень белокур, густоволос, со впалыми щеками и с легонькою, востренькою, почти совершенно белою бородкой. Глаза его были большие, голубые и пристальные...». Тенденция портрета совершенно ясна: превращение барина в аскета, подчеркивание бесплотности.

В известной книге К.Ф. Головина-Орловского «Русский роман и русское общество» сцена скандального визита нигилистов к князю Мышкину названа невозможной в бытовом отношении («Из любого дома таких посетителей выпроводили бы вон»). Головин был неправ. Вот свидетельство Д.В. Григоровича: «Сюда (в дом Кушелева-Безбородко, – *Р. Н.*) по старой памяти являлись родственники и рядом с ними всякий сброд чужестранных же русских пришлецов, игроков, мелких журналистов, их жен, приятелей и т. д. Все это размещалось по разным отделениям обширного... дома, жило, ело, пило, играло в карты, предпринимало прогулки в экипажах графа, нимало не стесняясь хозяином, который, по бесконечной слабости характера и отчасти болезненности, ни во что не вмешивался, предоставляя каждому полную свободу делать что угодно. При виде какой-нибудь

слишком уже неблагоприятной выходки или скандала, – что случалось нередко, – он спешно уходил в дальние комнаты...»¹².

В окружение графа в конце 50-х годов входили Дюма и Юм, Лев Мей и Аполлон Григорьев, граф Милорадович, певица Дарья Леонова, бывший пианист прусского короля Антон Контский, Василий Курочкин и генерал Баумгартен, русские художники, французские дипломаты, офицеры, журналисты; в Полустрово побывала даже Юлия Пастрана. От автора «Трех мушкетеров» и бородатой женщины до демократов Благодетель и Курочкина – таков был спектр этого общества.

Сюда приходили и без приглашений. Вот письмо И.А. Гончарова Дружинину (ноябрь 1856 года): «У Кушелева в понед. я буду или очень рано и тогда рано уеду, или же, напротив, явлюсь часу в одиннадцатом в исходе. Не уходите, пожалуйста, до меня. Не склоните ли Вы Льва Никол. и Василья Петр. ехать туда же? Ну что, с „эдаким“ за церемонии! Я склонил Андрея Алекс... Пусть в городе говорят, что „набежали как голодные собаки“ – во 1-х, это не про нас говорят, а во 2-х, оно смешно»¹³. Гончаров предлагает Дружинину без церемоний привести с собой Л.Н. Толстого и В.П. Боткина, а сам обещает привести А.А. Краевского. Графа он называет «эдаким».

Особое место в биографии Кушелева-Безбородко занимает история его женитьбы на Любови Ивановне Кроль. «Судьба свела его с женщиной, имевшей на жизнь его роковое влияние... Отец ее был путейский генерал, времен гр. Клейнмихеля. В первый раз Любовь Ив. была замужем за гвардейским офицером Пенхержевским. После его смерти она вышла за Голубцова и в третий раз за гр. Григ. Ал. Кушелева. Старший брат Любови Ив., Николай Иванович Кроль, был бесспорно умный, хитрый и хорошо образованный человек. Так же как и сестра его, он имел большое влияние на графа»¹⁴. Любовь Ивановна была красива, граф женился на ней по самой страстной любви, но у нее была плохая репутация. В феврале 1859 года Благодетель писал Попову о графе: «О сиятельной бездарности нечего иначе думать. Это мальчишка, накрытый юбкой пройдохи женского рода»¹⁵.

Е.А. Штакеншнейдер записывает 21 июля 1858 года: «И на графиню его, рожденную Кроль, надежда плоха; меценатство, может быть, в духе графа, но не графини. В Париже в один месяц

они прожили сто тысяч рублей»¹⁶. Запись от 14 октября 1859 года: «Родные и люди его круга от него отступились вследствие его женитьбы»¹⁷.

Брак с этой «роковой» женщиной, или «пройдохой», шокировал высшее общество, к которому граф Кушелев-Безбородко принадлежал по рождению и состоянию. Это был брак с красивой авантюристкой, чье прошлое, очевидно, изобиловало любовными приключениями.

Не так же ли шокировано общество, когда князь Мышкин внезапно делает Настасье Филипповне предложение? Отметим, что уже после опубликования первой части «Идиота», напряженно разрабатывая фабулу романа, Достоевский все время уверенно предусматривает брак героя с Настасьей Филипповной, в одном из вариантов – тайный брак. Только 13 марта 1868 года Достоевский записывает в черновой тетради: «Н.Ф. не княгиня, а только борется: быть или не быть?» И на другой день крупно: «NB Не – Княгиня»¹⁸. Тем самым Достоевский уже ослабляет связи между князем Мышкиным и его предполагаемым прототипом.

В черновых тетрадях эти связи гораздо явственнее. Планируя разговор Гани с Аглаей, Достоевский записывает: «Известие, что сегодня у князя завтрак. Смотреть купленный кабинет редкостей. Стоил денег».

«У Князя завтрак: Граф Аф. Иван.; Рогожин, Старик, Учитель, Птицын, Ганя, Варя, Генерал, Коля, Ипполит, Нина Александровна. Молодой литератор. Оживленное утро. Генерал Иван Федорович приезжает, и странное общество»¹⁹.

«Покамест действительно о Князевых подвигах, добрых делах, детях, только слухи идут»²⁰. («Дети» – это детский клуб, образовавшийся вокруг князя).

«Непрененно уж его обступили и со всех сторон тормозат как-бы денег добыть»²¹.

«У него заведения и школы»²².

Все эти детали, характеризующие князя Мышкина как мецената и филантропа (покупка кабинета редкостей, завтрак в «странном обществе», «молодой литератор», обступившие князя искатели денег, его «заведения и школы»), сближают образ князя с Г.А. Кушелевым-Безбородко. В черновых набросках некий Социалист

нападает на князя Мышкина и «смеется, что он частным лицом хочет сделать благо человечеству, опираясь на свое богатство»²³.

Но эти подробности исчезли из окончательного текста как по причине их праздности в трагическом сюжете, так, возможно, и вследствие нежелания автора выдавать связь центрального образа с прототипом – лицом хорошо известным и еще живущим. Совпадений больше осталось в первой части романа, написанной еще с перспективой женитьбы князя на Настасье Филипповне.

В окончательном тексте в основном лишь мизансцена – дачи в Павловске среди парка – напоминает о жизни графа Кушелева-Безбородко и его «двора» в чудесном парке Полюстровской дачи, особенно в то шумное лето 1858 года, когда Кушелевы удивляли Петербург фейерверками, пирами и танцами в окружении знаменитых писателей, проходимцев и красивых женщин.

Поразительное впечатление производит письмо графа к Дружинину от 10 января 1857 года, написанное изысканно безграмотным русским языком, с галлицизмами в синтаксисе и фразеологии, а главное – выдержанное в печально приниженном тоне, с множеством благодарностей и извинений. Вот выдержка из письма:

«Вы мне советуете побывать у А.А. Краевского, чтоб пригласить его именно в этот день, и я бы с удовольствием последовал бы вашему совету, если б поистине я не избегал всякие выходы, а более всего визитов.

Уж несколько раз был возбужден этот вопрос, и несколько раз я был принужден немного глухо и малопонятно отнекиваться от этих разъездов; теперь я считаю долгом своим пред вами, как пред человеком, которого я искренно уважаю, откровенно открыть причины таковых моих поступков.

Я нездоров, и если не выезжаю один никогда, – всегда с лицом, хорошо знающим мое положение; притом к лицам слишком близким, у которых я совершенно как дома. Все это я делаю не из каприза пустого и предосудительного, а по просьбе моего доктора. – Благодаря богу, мое здоровье поправляется; теперь я могу надеяться совершенного выздоровления, но только еще жду его, а не имею, а посему всегда опасаясь какого-нибудь пароксизма моей болезни, который бы меня застал не дома, – вот искренняя причина моей сомкнутости»²⁴.

Прочитав это письмо, мы получаем наглядное представление о характере этого слабого и болезненного человека, несущего свою болезнь словно некую метафизическую вину, боящегося быть неприятным из-за нее и подписывающего письмо к литератору (пусть даже известному) стереотипной формулой: «Преданный и готовый к услугам».

Как мы видим, вполне вероятно, что образ князя Мышкина, эксцентричного аристократа, предлагающего руку содержанке, раздающего деньги просителям и срывающегося в свете «идиотом», образ человека, физически и нервно надломленного, смиренно переносящего скандалы и унижения, своей социально-бытовой выразительностью обязан графу Кушелеву-Безбородко.

Достоевский услышал о графе еще в Твери. В 1859 году в мартовской книжке «Русского слова» был напечатан «Дядюшкин сон». По возвращении в Петербург писатель вращался в литературном кругу, тесно связанном с начальным периодом «Русского слова» (Майков, Григорьев, Полонский, Мей, Всеволод Крестовский и др.). Мы не располагаем сведениями о личном знакомстве Достоевского с графом, но не знать об этой причудливой фигуре петербургского общества и о странностях графа Достоевский не мог. Ряд упоминаний о нем, всегда чисто деловых, встречается в письмах Достоевского. Кушелев-Безбородко опубликовал в сентябрьской книжке «Русского слова» за 1861 год рецензию на роман «Униженные и оскорбленные», весьма неглубокую, но в целом положительную.

Нет сомнений, что Достоевский сочувствовал тяжело больному графу и не разделял общего иронического отношения к этому человеку. Думается, что и женитьба Кушелева-Безбородко на «женщине с прошлым» могла вызвать сочувствие Достоевского. Именно в 1867 году внимание писателя было вновь привлечено к графу в связи с упомянутым выше вечером в честь «славянских представителей». Достоевский выехал за границу несколько ранее этого события, но не мог не узнать о нем из русских газет, которые читал с большим вниманием. В этот период Достоевский неоднократно называет себя в письмах «славянофилом», и новая ориентация графа не могла не импонировать писателю.

Но уже в ходе создания романа Достоевский далеко отошел от прототипа; возможно, это связано и с определенным

разочарованием в графе Кушелеве-Безбородко, с осознанием его незначительности. Во всяком случае, 15 (27) мая 1868 года Достоевский писал Майкову из Флоренции, сообщая проект цикла исторических «былин», в которых Майков мог бы изложить славянофильскую философию истории: «Я-бы прошел до Бирона, до Екатерины и [до бояр] далее, – я бы прошел [далее] до освобождения крестьян и до бояр, рассыпавшихся по Европе с последними кредитными рублишками..., до всегуманных и всесветных граждан русских графов, пишущих критики и повести и т. д. и т. д.»²⁵. Эта последняя инвектива против выродившейся русской аристократии косвенно задевает Кушелева-Безбородко и его литературные претензии: ирония Достоевского не может относиться ни к Алексею Константиновичу Толстому, ни к Льву Толстому. Именно в 1868 году Кушелев-Безбородко напомнил о своих писательских грехах изданием двухтомника своих произведений, и Достоевский мог знать об этом, хотя и находился за границей.

Самая же существенная причина отхода Достоевского от прототипа главного героя заключалась в том, что этот прототип оказался недостаточен, слишком мелок для той грандиозной идеи, к которой романист пришел в ходе творческой работы. Обычные средства не могли удовлетворить писателя, не могли помочь разрешению задачи изображения положительно прекрасного человека. Установка писателя на образ, превышающий свою среду и эпоху, как бы свободный от социальной и исторической детерминированности, вела Достоевского к привлечению романтического художественного опыта.

Начиная со второй части романа образ главного героя постепенно утрачивает определенные социально-характерные черты. Мы не замечаем богатства князя Мышкина, не видим его дома: он проживает в одной из гостиниц Петербурга и на даче Лебедева в Павловске. Нет в романе и запланированного ранее «завтрака у князя», исчезли намеки на благотворительную деятельность («школы и заведения»). Не вошел в роман и детально обдуманый «детский клуб» князя Мышкина. Достоевский перестает заботиться о бытовой характерности. Мы больше не смотрим на князя извне, а постепенно «вживаемся» в его образ и начинаем смотреть на окружающий мир глазами героя. В первой

части мы видели его башмаки с толстыми подошвами, теперь видим его сны. Когда восприятие мира глазами героя прерывается криком: «Парфен, не верю!» – и эпилептическим припадком, характер повествования мгновенно меняется, и «всезнающий автор» выступает с медицинскими пояснениями по поводу болезни князя. Но когда герой в ясном сознании, все дается через его восприятие.

Снижается бытовая характерность – возрастает трагическое философское напряжение действия. В доме Рогожина автор вводит целый ряд символических деталей, намеков и предсказаний. Князь Мышкин дважды берет в руки нож с оленьим черенком, и Рогожин дважды отбирает его. В обстановке раскольничьего гнезда внезапно возникает копия с гольбеиновского «Група Христа» – картина, изображающая смерть бога, символ погибающей веры. Происходит обмен крестами, это символическое братание князя и Рогожина, после чего старая мать Рогожина благословляет героя. Действие приобретает глубину и многозначность. В построении образов Достоевский переходит от социально-бытовой характерности к философской символизации.

Характер князя изменяется Достоевским. Так, признание в любви, сделанное князем Настасье Филипповне в первой части, теперь «дезавуируется». В первой части герой целовал портрет Настасьи Филипповны, а во второй – уверяет, что она «сумасшедшая, помешанная» (скандал в Павловском вокзале).

Все сильнее акцентируется одухотворенность князя, он более не выглядит способным на страстную любовь. Речь идет уже не о том, что красота спасет мир, а о том, чтобы спасти от неминуемой гибели эту самую красоту.

Мотивы ужаса и тоски начинают все сильнее нарастать в третьей части, где светлое интермеццо (князь и Аглая) контрастно перебивается темой смерти в исповеди Ипполита. Эта часть романа завершается свиданием князя и Настасьи Филипповны в саду. Авторские ремарки к диалогу в конце третьей части образуют прогрессию: «сердце его переполнилось и заныло от боли», «отступил в испуге», «проговорил в отчаянии», «вскричал, ломая свои руки», «воскликнул с беспредельной скорбью». Первая часть романа – надежда, вторая – тревога, третья – отчаяние...

Когда сюжет определен, Достоевский начинает подбирать новые реалии, подлинные штрихи, анекдоты и эпизоды из

действительности взамен отвергнутых. Идет монтаж драматических сцен и скандалов, большею частью не вымышленных, а творчески развитых Достоевским из фактов его биографии и современной ему истории.

2

Как известно, образ князя Мышкина содержит ряд характерных деталей из жизни самого Достоевского.

Начнем хотя бы с болезни князя. Дело не только в том, что Достоевский с полным знанием дела описывает эпилепсию, придавая князю своеобразное «обаяние слабости», но и в том, что писатель вводит в образ князя фантастические элементы. Достоевский неоднократно испытывал перед припадком состояние так называемой ауры с ее галлюцинациями, деформацией естественного ощущения времени и особым мучительным наслаждением. Достоевский считал, что аура наделяет человека исключительными способностями прозрения, интуитивного понимания людей и мира.

Герой-эпилептик в физическом смысле беззащитен перед миром. Но в «священной болезни» (древнее название эпилепсии) заключается и его сила. Князь Мышкин наделен особой мудростью, истоки которой скрыты от окружающих.

Известен и ряд других автобиографических деталей образа: любовь к детям, восхищение «славными письменными принадлежностями» генерала Епанчина, великодушный расчет с кредиторами покойного купца Папушина, который напоминает о подобном жесте Достоевского – принятии на себя долгов усопшего Михаила Михайловича. Рассказ князя о пьяном солдате, у которого он купил крест, соответствует аналогичному случаю, происшедшему с самим Достоевским в 1865 году.

Очень важное место в романе заняли творчески преображенные воспоминания Достоевского о знакомстве с сестрами Корвин-Круковскими. При внимательном чтении романа и «Воспоминаний детства» Софьи Ковалевской ряд совпадений выступает с полной наглядностью.

Так, беседа героя с генеральшей Епанчиной и ее дочерьми в первой части романа напоминает о беседах Достоевского с

генеральшей Корвин-Круковской и ее дочерьми Анной и Софьей в Петербурге весной 1865 года. Софья Ковалевская вспоминает, как живо описывал Достоевский минуты ожидания казни, как потрясюще рассказывал о своей болезни. Оба этих рассказа писатель вложил в уста князя Мышкина.

Выразительна и сама мизансцена: Достоевский (как и герой «Идиота») рассказывал двум юным девушкам о страшных и порою шокирующих сторонах жизни в присутствии их матери. Он характеризовал сестрам Корвин-Круковским их внешность: то же самое делает и князь Мышкин. Подтрунивание Анны Васильевны над Достоевским («желание противоречить, дразнить его», по словам мемуаристки) отразилось в насмешках влюбленной Аглаи над князем Мышкиным, а отношение Елизаветы Федоровны Корвин-Круковской к необычному другу ее дочерей («мать очень его полюбила») – в отношении Лизаветы Прокофьевны Епанчиной к князю Мышкину.

Особенно любопытно уже мельком отмеченное Г. Фридлиндером сходство между А.В. Корвин-Круковской и Аглаей²⁶. Старшая сестра Софьи Ковалевской была замечательно красива, талантлива, умна и горда. Достоевский был влюблен в нее и сделал ей предложение; А.Г. Достоевской он позже рассказывал, что Анна Васильевна была его невестой, но затем он вернул ей слово. Эта легенда напоминает странное необъявленное жениховство князя Мышкина. А упоминание в черновиках об отношении сестры Аглаи к князю: «Аделаида – немая любовь»²⁷ – прямо ассоциируется с безмолвной любовью Софьи Корвин-Круковской, любовью, которую не мог не заметить Достоевский.

Одним из важнейших эпизодов четвертой части романа является вечер у Епанчиных. Общеизвестно, что Достоевский не был своим человеком в салонах Петербурга. Однако именно весной 1865 года ему довелось присутствовать на прощальном вечере у Корвин-Круковских, который должен был ему показаться в высшей степени светским. Софья Ковалевская описывает разношерстное общество на этом вечере: жена и дочери военного министра Милютина («сам министр обещал заехать на минутку под конец вечера, однако слова не сдержал»), очень старый и очень важный сановник-немец, какой-то разорившийся помещик из остзейских губерний, много почтенных вдов и старых дев и несколько старых

академиков. Среди гостей был молодой полковник генерального штаба Андрей Иванович Косич, блестящий офицер, который на правах дальнего родственника ухаживал за А.В. Корвин-Круковской. «Стоило Достоевскому взглянуть на эту красивую, рослую, самодовольную фигуру, чтобы тотчас возненавидеть ее до остервенения... в голове его сложился целый роман: Анюта ненавидит и презирает этого „немчика“, этого „самодовольного нахала“, а родители хотят выдать ее замуж за него и всячески сводят их»²⁸.

Эта подлинная картина вечера во многом отразилась в романе. Достоевский выводит старого важного сановника, делая его «покровителем» Епанчиных; знатную старуху Белоконскую; солидного генерала с немецким именем, барона или графа; пожилого барина-англомана; князя N, известного победителя женских сердец; князя Щ., Евгения Павловича Радомского и других. Писатель отмечает покровительственное отношение светской среды к Епанчиным; такое же отношение зафиксировано в мемуарах Софьи Ковалевской: «Общего у всех этих людей ничего не было: почти все они, однако, приняли мамино приглашение и приехали на наш вечер из старой памяти, „pour cette pauvre chère Lise“»²⁹.

Описание вечера у Епанчиных дышит плохо скрытой ненавистью. Князь Мышкин резко противопоставлен этой среде, его речи не понимают, его страстная прямота и откровенность вызывают смущение и недовольство сановников и генералов. Эпизод «проповеди» князя Мышкина завершается припадком эпилепсии. Вся эта драматическая сцена гиперболизированно отражает инцидент на вечере у Корвин-Круковских, где Достоевский держался очень неловко и говорил крайне неуместные вещи, противопоставляя евангельскую мораль современным светским нравам:

Особое место занимает в романе образ Евгения Павловича Радомского, блестящего и остроумного красавца, который, как постепенно выясняется, желает поправить свои дела женитьбой на Аглае Епанчиной. Евгений Павлович – флигель-адъютант, но в разгаре событий выходит в отставку, предчувствуя скандальное крушение своего дяди, очень крупного администратора, совершившего большую растрату и покончившего с собой. Образ

Евгения Павловича подготовлен в черновике довольно подробно: сначала неоднократно упоминается ухаживающий за Аглаей кавалергард, затем он превращается во флигель-адъютанта, и, наконец, появляется имя – Вельмончек.

П.В. Сакулин, комментируя свою публикацию черновиков «Идиота», остановился на выразительной фигуре Вельмончека и даже предположил: «Может возникнуть вопрос, не было ли действительного лица с фамилией Вельмончек, которым Достоевский воспользовался в качестве прототипа для жениха Аглаи»³⁰. Сакулин справедливо указал, что Вельмончек черновых тетрадей стал Евгением Павловичем Радомским окончательного текста.

По нашему мнению, «жених Аглаи» возник в плане романа как свободная разработка реального образа полковника Косича, вызвавшего ревность писателя своим ухаживанием за Анной Васильевной. Насколько свободна была эта разработка, показывает одна деталь из черновых тетрадей, как ни странно, не расшифрованная Сакулиным. Достоевский записывает в черновике: «Родной дядя Вельмончекъ Политк»³¹. Это значит: «Родной дядя Вельмончека – Политковский».

Камергер, тайный советник Александр Гаврилович Политковский – фигура историческая. Он был при Николае I правителем дел «Комитета 18 августа 1814 года» (комитета по делам о раненых). В его распоряжении находился так называемый инвалидный капитал. В течение ряда лет Политковский поражал Петербург своей роскошью, содержал любовниц, для которых выписывал туалеты из Парижа и т. д. В начале 1853 года поползли слухи о грандиозной растрате во вверенном Политковскому комитете, 1 февраля Политковский внезапно умер, а 4 февраля император назначил ревизию, которая сразу же обнаружила кассу, наполненную вместо денег расписками покойного. Политковский растратил один миллион сто тысяч рублей инвалидного капитала. В Петербурге говорили, что он отравился ввиду неминуемого разоблачения.

Эту самую сенсационную растрату 50-х годов Достоевский перенес в роман «Идиот». Генерал Епанчин рассказывает князю Мышкину, что дядя Евгения Павловича – начальник какой-то канцелярии в Петербурге: «вивер, гастроним и вообще повадливый

старикашка... Ха! Ха! Я знаю, что он слышал про Настасью Филипповну и даже добивался». После самоубийства дяди потрясенный генерал сообщает: «Капитон Алексеич Радомский, дядя Евгения Павлыча... застрелился, утром, на рассвете, в семь часов. Старичок, почтенный, семидесяти лет, эпикуреец, – и точь-в-точь как она говорила, – казенная сумма, знатная сумма!» Кстати, в черновиках романа планировалось самоубийство дяди посредством отравления, как в истории Политковского.

Таким образом, Евгений Павлович Радомский задуман как свободная вариация фигуры полковника Косича, мнимого претендента на руку А.В. Корвин-Круковской; затем Достоевский, наслаждаясь своего рода мезью, сделал Косича племянником Политковского. Конечно, в результате ничего (кроме сюжетного мотива) не осталось от реального Косича, которого Достоевский, по сути дела, и не знал вовсе.

В черновиках «Идиота» планировался конфликт между князем Мышкиным и флигель-адъютантом (будущим Евгением Павловичем). Об этом свидетельствует краткая запись: «В 5-й Части скандал Князя должен быть слишком крупен. Публичное оскорбление (жена Ч-го). Объяснение Князя. Флигель-адъютант, почти дуэль»³². В романе эта запись развернута в эпизоде скандала в Павловском вокзале, когда молодой красивый офицер, приятель Евгения Павловича, оскорбляет Настасью Филипповну, называя ее «этой тварью», и когда она в ответ бьет офицера тросточкой по лицу. Князь Мышкин хватает офицера за руки, когда тот в первом порыве ярости бросается на Настасью Филипповну. Таким образом столкновение (назревавшая дуэль) происходит у князя не с Евгением Павловичем, а с его приятелем. Но что означает фраза: «Публичное оскорбление (жена Ч-го)»? Ни в романе, ни в черновиках к нему нет персонажа с соответствующей этому сокращению фамилией. Несомненно, Достоевский фиксирует для дальнейшего использования какое-то подлинное скандальное происшествие своего времени. Какое же?

По нашему мнению, речь идет о публичном оскорблении жены Чернышевского. Об этом происшествии сообщается во «всеподданнейшем: отчете» III отделения за 1862 год: «В Павловске 10 июня при выходе из вокзала адъютант Образцового кавалерийского эскадрона ротмистр лейб-гвардии уланского полка

Любецкий, приняв по ошибке двух дам за женщин вольного обращения, оскорбил их. Бывшие при них четыре студента окружили Любецкого и, угрожая ему мщением, объявили, что одна из этих дам – жена литератора Чернышевского, а другая – сестра ее. Любецкий через родственников их и полицеймейстера просил извинения, но муж Чернышевской... домогался отдать дело на суд общества офицеров»³³. Сохранились и письма Н.Г. Чернышевского по этому поводу. Характер оскорбления, нанесенного гвардейским офицером Ольге Сократовне, совпадает с характером оскорбления, которому подверглась Настасья Филипповна в романе «Идиот». Конечно, между героиней романа Достоевского и женой великого революционера нет ничего общего, но Достоевского интересовала лишь типичность события, «слишком крупный скандал». Случай с О.С. Чернышевской послужил Достоевскому как бы опорным фактом при создании аналогичного эпизода романа.

В письме к Майкову от 20 марта (2 апреля) 1868 года Достоевский заявляет: «В совершенную верность характера Настасьи Филипповны я впрочем и до сих пор верю. Кстати: Многие вещицы в конце 1-й части – взяты с натуры, а некоторые характеры – просто портреты, н. п. Генерал Иволгин, Коля»³⁴. С кого списаны эти портреты, мы можем только гадать, не имея для сопоставлений достаточного материала. Важно само утверждение Достоевского о портретности этих второстепенных персонажей.

Мы видим, что для романа «Идиот» характерно широкое использование различных подлинных фактов из биографии Достоевского, событий из жизни Петербурга 50 – 60-х годов XIX века. И дело не только в том, что Достоевскому была нужна одна лишь «художественная выразительность» конкретной исторической фигуры, как об этом говорил Л.П. Гроссман. Ведь и самая «идея» каждого образа всегда берется романистом из животрепещущей действительности, из политических, социальных и философских дискуссий его времени. Если, по словам Горького, Салтыков-Щедрин был способен уловить политику в быту, то Достоевский замечательным образом улавливал философию в быту. Если Гончаров, создавая «Обыкновенную историю» и «Обломова», знал свой ответ на поставленные им вопросы, то Достоевский ищет этот ответ в романе. Сюжет «Идиота» отягощен остатками отвергнутых вариантов, точнее – вариантов, от которых писатель отказался в

разгаре работы; уже после опубликования одной или двух частей. Отсюда такое огромное количество «нестреляющих ружей» (намечавшаяся дуэль князя Мышкина вдруг разрешается с небрежностью, свидетельствующей о равнодушии автора) и брошенных на полдороге образов (Ганя первой части в дальнейшем совершенно утрачивает смысл и какое-либо сюжетное значение). Лишь постепенно, по мере приближения к финалу, фабула как бы «очищается» от случайного, пробивается к свету, словно стройный молодой побег дерева. Так называемые прототипы (в применении к Достоевскому, как мы пытались показать, о них можно говорить лишь условно) служат писателю своеобразным трамплином, отталкиваясь от которого он вырабатывает свою философско-художественную интерпретацию действительности.

Достоевский в своих романах создает исключительные характеры, но законы сознания и бытия его героев исторически обусловлены, и такой историзм хорошо понимал Достоевский. Роман «Идиот» особенно богат рассуждениями о своеобразии человеческого мышления в различные эпохи: так, вполне серьезные мысли скрыты в клоунаде Лебедева на темы психологии средневекового людоеда. Законы сознания, действующие в романах Достоевского, суть законы исторически конкретного сознания – большею частью, при всех противоречиях, это сознание русского общества, русской интеллигенции второй половины XIX века, эпохи развития капитализма и неуклонного роста революционного движения.

¹ Гроссман Л.П. Творчество Достоевского. М., 1928. С. 223.

² Гроссман Л.П. Достоевский-художник // Творчество Достоевского. М., 1959. С. 363.

³ Из архива Достоевского. «Идиот». Неизданные материалы. М.; Л., 1931. С. 12.

⁴ Там же. С. 38.

⁵ Чирков Н.М. О стиле Достоевского. Ч. II. М., 1967. С. 11.

⁶ Достоевский Ф.М. Письма. Т. II. М.; Л., 1930. С. 71.

⁷ Тургенев И.С. Полное собрание сочинений в двадцати восьми томах. Письма в тринадцати томах. Т. III. М.; Л., 1961. С. 53.

⁸ Письма к Дружинину. М., 1948. С. 255 (Государственный литературный музей. Летописи. Кн. 9).

⁹ Лемке М. Политические процессы в России 1860-х гг. М.; Л., 1923. С. 620 – 621.

- ¹⁰ Штакеншнейдер Е.А. Дневник и записки. М.; Л., 1934. С. 224.
- ¹¹ Н.А. Лейкин в его воспоминаниях и переписке. СПб., С. 133.
- ¹² Григорович Д.В. Литературные воспоминания. М., 1961. С. 160.
- ¹³ Письма к Дружинину. С. 74.
- ¹⁴ Полянская А.Г. К биографии Л.А. Мея // Русская старина. 1911, май. С. 354.
- ¹⁵ Лемке М. Политические процессы в России 1860-х гг. С. 618.
- ¹⁶ Штакеншнейдер Е.А. Дневник и записки. С. 224.
- ¹⁷ Там же. С. 238.
- ¹⁸ Из архива Достоевского. «Идиот». Неизданные материалы. С. 109.
- ¹⁹ Там же. С. 105 – 106.
- ²⁰ Там же. С. 107.
- ²¹ Там же. С. 112.
- ²² Там же. С. 96.
- ²³ Там же. С. 100.
- ²⁴ Письма к Дружинину. С. 166.
- ²⁵ Достоевский Ф.М. Письма. Т. II. С. 192.
- ²⁶ Фридлендер Г.М. Реализм Достоевского. М.; Л., 1964. С. 227.
- ²⁷ Из архива Достоевского. «Идиот». Неизданные материалы. С. 132.
- ²⁸ Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 1. М., 1964. С. 352.
- ²⁹ Там же. С. 350.
- ³⁰ Сакулин П.Н. Работа Достоевского над «Идиотом» // Из архива Достоевского. «Идиот». Неизданные материалы. С. 262.
- ³¹ Из архива Достоевского. «Идиот». Неизданные материалы. С. 156.
- ³² Там же. С. 140.
- ³³ Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений в пятнадцати томах. Т. XIV. М., 1949. С. 833.
- ³⁴ Достоевский Ф.М. Письма. Т. II. С. 102 – 103.

1970

ДОСТОЕВСКИЙ И РОМАНТИЗМ

В середине XIX столетия в России романтизм казался благородным покойником, давно почившим в роскошном саркофаге, который воздвигла ему критика. Социальность и реализм победили в литературе, и слово *романтический* приобрело оттенок иронического сожаления. Но, как сказал Гоголь, «в литературном мире нет смерти», и русский романтизм продолжал жить даже в недрах литературы критического реализма.

Нет, романтизм уже не существовал как литературное направление. Но его наследие, его традиции были живы в творчестве